

Все обернулись на звук.

В Восточный тёплый павильон, улыбаясь, входил юноша лет восемнадцати-девятнадцати — высокий, ослепительно красивый, с горделивой повадкой прирождённого господина. Роскошный расшитый халат, а у щиколоток бархатных сапог — пара золотых колокольчиков: при каждом шаге они тихо позвякивали, придавая хозяину что-то беззаботное, почти игривое. Он старательно скрывал исходящую от него ауру, однако Жэнь Ши узнал его с первого взгляда — молодой синий дракон, тот самый, что встретился ему прежде.

Обычному человеческому глазу эта разница была недоступна. Даже Гу Сюньчжи, прошедший путь культивации, мог лишь уловить драконью ауру и по ней пытаться распознать природу существа. Стоило синему дракону сдержать её — и Сюньчжи ничего бы не увидел. Но Жэнь Ши не нуждался в чтении ауры. Его глаза пронизывали сокровенную суть вещей: к какому бы роду ни принадлежало существо, каким бы обликом ни укрывалось — он всегда видел разницу.

Перед ним был молодой синий дракон. И не просто молодой — рождённый из духовной энергии неба и земли, без отца и матери.

Об этом говорило всё: высокомерная небрежность во взгляде, чешуя, светящаяся особой чистотой, и рога — ещё нежные, почти юношеские. Будь он постарше — не позволил бы себе такой доверчивости, не стал бы так беспечно обживать в чужом поместье. Любой, у кого хватает здравого смысла, понимает: слишком близкие отношения с людьми, тем более с людьми влиятельными, — плохая затея для дракона.

Жэнь Ши перевёл взгляд с дракона на князя Цзиня. Тот смотрел на юношу спокойно и тепло, и в голосе, когда он заговорил, звучала нескрываемая нежность:

— Я же сказал — сегодня дела. Просил тебя побыть в комнате. Зачем опять вышел один?

Дракон скривился с видом человека, которому надоели нравоучения:

— В комнате скука смертная. Кольца-головоломки надоели, ваши книги ещё хуже. Мне сказали, что ты ещё и вечером куда-то уходишь, — вот я и пришёл хоть немного побыть с тобой.

К концу фразы голос его незаметно переменялся: из капризного — мягкий, почти медовый, и в этой мягкости таилось что-то безгранично нежное.

Князь тоже как будто потеплел:

— Раз уж пришёл — садись. На столе есть карп в соусе из османтуса, ты любишь.

Несколько пажей тут же засуетились — подставили дракону стул, расставили перед ним

приборы. Двигались они слаженно и проворно, но дракон смерил их придиричивым взглядом — и этого было достаточно. Князь среагировал мгновенно: едва заметный знак — и красивые юноши бесшумно растворились, уступив место девушкам попроще.

Дракон не выразил ни одобрения, ни недовольства — возможно, ему было всё равно, а эта сцена была просто капризом ради каприза. Он поднёс к губам чашу с вином, сделал большой глоток и потянулся палочками к карпу, — но блюдо стояло далековато. Князь тут же поднялся и сам переложил рыбу в чашку дракона.

— Ешь.

Дракон смягчился. Он улыбнулся — и в его человеческом облике эта улыбка была прекрасна: открытая, почти детская, она заставляла смотревшего забыть обо всём на свете. Князь же сохранял всё ту же лёгкую, изящную улыбку — и протянул руку, убирая со щеки дракона выбившуюся прядь.

Со стороны это выглядело так, будто двое близких людей, пусть и не влюблённые, не замечают ничего вокруг. Смотреть на это было немного неловко.

Если бы Жэнь Ши не знал, что за всем этим стоит, он, возможно, даже позавидовал бы этой паре. Но сейчас, глядя на разворачивающуюся перед ним картину и вспоминая, ради чего устроен этот пир, он почувствовал, как что-то неприятно сжалось у него внутри.

Догадывается ли этот наивный дракончик — хотя бы отдалённо — что молодой князь, так нежно поправляющий ему волосы, уже просчитывает, как заточить его в поместье, чтобы укрепить свои позиции в борьбе за трон?

Сладость, скрывающая клинок. Нежность, пропитанная злым умыслом. Ласка, таящая смертельный расчёт. А молодой дракон — ничего не чувствует.

Жэнь Ши наблюдал за этой историей холодным взглядом и не собирался ничего подсказывать её участникам. В этой истории он был лишь фоном — заходить слишком далеко не планировал. К тому же он никогда особенно не жаловал этого синего дракончика.

При всём при этом ему было немного жаль юнца. Впрочем, раз уж князь не может причинить ему настоящего вреда, — пусть хлебнёт горького и поумнеет.

Здесь Жэнь Ши видел самое отталкивающее в людях. Он смотрел — и не собирался давать никаких оценок. Люди его не пугали: ни один культиватор не мог причинить ему вред, даже благовоние «Пьяный сон», способное свалить с ног дракона, на него не действовало. Люди не были для него угрозой — а значит, и менять что-либо он не намеревался. Просто наблюдал за представлением. И заодно напоминал себе: не доверять людям слишком сильно. В отличие от духовных существ и мелких яо, люди слишком хорошо умеют лгать.

Жэнь Ши не отрывал взгляда от дракона и князя и не замечал, что Гу Сюньчжи давно смотрит на него.

А тот смотрел уже довольно долго — с растерянностью и осторожностью, стараясь по лицу угадать, что у шисюна на уме. Выражение лица Жэнь Ши в эту минуту было совершенно непроницаемым: переменчивым, как небо перед грозой. Гу Сюньчжи считал, что неплохо знает характер старшего брата, — но сейчас угадать его намерения было решительно невозможно. А вдруг шисюна вдруг захочет из чистого куража взять и выложить всё синему дракону прямо здесь? Тогда — конец всему.

Сюньчжи смотрел-смотрел и наконец решился:

— Шисюн?

Жэнь Ши тут же обернулся и улыбнулся ему.

Ах да. Он почти забыл: его младший брат тоже человек — насквозь, без исключений. Но совсем не такой, как остальные. Пусть культивация у него не задалась, пусть он вечно тянет с решением, суетится, ноет, трусит, плачет, делает глупости и порой бунтует по мелочам — зато никогда, ни разу не пытался сыграть на нём какую-нибудь хитрость.

В сравнении с прочими — младший брат, пожалуй, лучший из людей.

С этой мыслью взгляд Жэнь Ши стал заметно теплее.

Гу Сюньчжи не знал, что в эту минуту шисюн мысленно сравнивает его с другими и выставляет совершенно незаслуженно высокую оценку, далёкую от реальности. Он просто оторопел от этого взгляда — тёплого, почти нежного. Шисюн всегда держался с ним строго, говорил без лишних нежностей, и за всё время, что они знали друг друга, Гу Сюньчжи почти не видел его таким — хотя бывало, что шисюн и смягчался, но это было совсем другое, совсем не похоже.

Что-то внутри Гу Сюньчжи растерялось.

И ещё более сбивало с толку другое: он вдруг обнаружил, что это выражение лица нравится ему — очень, очень, очень — но поскольку ничего подобного с ним прежде не случалось, тело совершенно не понимало, как на это реагировать.

Гу Сюньчжи заметил, что у него встала дыбом каждая волосинка.

Но не это сейчас главное. Он из последних сил старался удержать на лице что-нибудь хотя бы отдалённо напоминающее обычное выражение — и это отнимало все его силы без остатка, так что на всё остальное уже ничего не хватало.

Жэнь Ши, видя, что младший брат позвал его и замолчал, снова повернулся к залу. Дракон уже доел рыбу и теперь с нескрываемым любопытством разглядывал его. Судя по взгляду, Жэнь Ши был готов поспорить: тот его не помнит.

Приветствовать первым дракон не собирался. Он повернулся к князю:

— Кто эти двое? Зачем пришли?

С тех пор как дракон вошёл, выражение лица князя Цзиня почти не менялось — неизменно мягкое, неизменно терпеливое. Он принялся представлять гостей:

— Это советник моего поместья, господин Гу. Вы, возможно, виделись прежде. А это Жэнь-гунцзы, его старший брат по обучению. Я попросил господина Гу привести его — мне нужна помощь в одном деле.

Дела поместья дракона явно не занимали ни на секунду. На господина Гу с его поблёкшим лицом он даже не взглянул — зато уставился на Жэнь Ши во все глаза:

— Странно... ты кажешься мне знакомым. Мы разве не встречались?

Скрывать ту неприятную встречу Жэнь Ши не видел смысла. Он кивнул:

— Однажды в Восточном море.

Все годы до принятия человеческого облика дракон провёл в Восточном море — но одна эта подсказка вряд ли могла помочь ему восстановить нужное лицо в памяти. Он смотрел на Жэнь Ши с растерянным видом:

— Мы... разговаривали?

Жэнь Ши решил слегка подтолкнуть его память:

— Несколько тысяч лет назад я рыбачил в Восточном море. Мы тогда... немного пересеклись.

Судя по всему, что-то щёлкнуло. Лицо дракона начало краснеть — стремительно, с нарастающей интенсивностью: краска залила щёки и, похоже, начала расползаться дальше, порозовели даже тыльные стороны ладоней.

Гу Сюньчжи изумлённо наблюдал, как грозный синий дракон, которого он привык видеть надменным и устрашающим, вдруг залился стыдом: голова смотрела на Жэнь Ши, а взгляд метался по сторонам, точно у человека с нечистой совестью.

Жэнь Ши не проявил ни малейшего волнения — не произнёс ни слова, словно реакция дракона была совершенно обычным явлением, а весь этот ход событий давно у него в руках.

Князь Цзинь и Гу Сюньчжи переглянулись в полном недоумении. Князь попытался взять дракона за руку:

— Что случилось?

Дракон не ответил и нетерпеливо стряхнул его руку. Потом, словно собравшись с духом, вперил в Жэнь Ши свирепый взгляд — в котором смешались злость и стыд в равных долях.

Жэнь Ши по-прежнему молчал.

Дракон не выдержал — вскочил и хлопнул ладонью по столу:

— Слушай сюда! Я — владыка Восточного моря, и всё в Восточном море принадлежит мне! Подумаешь, съел несколько твоих быков — да ты сам их в море запустил, что с того! Велика важность!

Жэнь Ши смотрел на него с выражением, в котором улыбка была — и в то же время не совсем.

Дракон швырнул чашу об пол, развернулся — и вихрем выскочил прочь. Золотые колокольчики на сапогах заходились звоном, постепенно затихая по мере того, как он удалялся.

<http://bllate.org/book/17555/1711913>